

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.555-570

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА СЕМПЛА-ЛАЙЛА НА ЮГЕ РОССИИ В 1783 ГОДУ

Никита Игоревич Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khrapunovn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>*

Аннотация. Статья вводит в научный оборот «крымский фрагмент» мемуаров шотландца Джеймса-Джорджа Семпла, называвшего себя «майором Лайлом», – одного из ярчайших авантюристов конца XVIII – начала XIX в. До настоящего момента его фигура остается практически неизвестной отечественной историографии. Один из эпизодов в яркой жизни надувателя, ловеласа, вымогателя, контрабандиста, военного и писателя связан с Россией. В 1783 г. Семпл-Лайл оказался в свите Г. А. Потемкина. Впоследствии, во время очередного пребывания в британской тюрьме, шотландец описал службу у Светлейшего князя, пришедшуюся на период присоединения Крыма и начала интеграционных мероприятий. Хотя авантюрист, очевидно, преувеличивал свою роль в окружении Потемкина, реформировании российской армии или муштровке «корсиканских» эмигрантов, его мемуары представляют собой оригинальный взгляд на события, происходившие в Причерноморском регионе, который в то время привлекал взгляды всей Европы. В приложении публикуется русский перевод фрагмента записок Семпла-Лайла, описывающий его похождения на Юге России.

Ключевые слова: записки путешественников, Джеймс-Джордж Семпл-Лайл, англо-русские связи, Юг России, Крым, историческая имагология, межкультурные коммуникации

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

MAJOR SEMPLE LISLE'S ADVENTURES IN SOUTH RUSSIA IN 1783

Nikita I. Khrapunov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
khrapunovn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>*

Abstract. This article introduces into Russian scholarship the “Crimean fragment” in the memoirs of James George Semple who called himself Major Lisle and was among the most outstanding adventurers in the late eighteenth and early nineteenth century. So far this person remains almost not known to Russian readers. One of striking episodes in the life of this diddler, lover, leech, smuggler, military man, and writer was related to Russia. It was 1783 when Semple Lisle became a man of Grigorii Potemkin’s suite. Later on, when once again imprisoned in London, the Scot described his service to the Russian Prince, which continued in the days of the unification of the Crimea and the first integration works. Although the adventurer certainly exaggerated his role in Potemkin’s retinue, his achievements in reforming Russian army or training “Corsican” emigrees, Semple Lisle’s memoirs still presented original view of the events in the Black Sea Region, which in the said period attracted the attention of all Europe. The appendix is Russian translation of the fragment of Semple Lisle’s book describing his adventures in South Russia.

Keywords: travelogues, James George Semple Lisle, English-Russian connections, South Russia, Crimea, historical imagology, intercultural communications

Acknowledgement: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

Одним из множества авантюристов, наводнивших Европу в эпоху Просвещения [об этом феномене см.: 24], был шотландец Джеймс-Джордж Семпл, называвший себя «майором», «полковником» или «лордом» Лайлом (ок. 1759–1815). Его жизнь была сплошным приключением: он участвовал в войне за независимость североамериканских колоний, был не раз

судим за различные аферы и сидел в тюрьме, объездил всю Европу, побывал в Бразилии и Марокко, имел скандальные любовные связи и, очевидно, пытался заниматься шпионажем, а также опубликовал автобиографию, с помощью которой пытался исправить свою дурную репутацию. Около года Семпл-Лайл провел в России. Шотландец утверждал, что стал «правой рукой» всеильного Григория Александровича Потемкина, в обществе которого, в частности, побывал в Херсоне и Крыму. Тем не менее, его мемуары фактически не известны отечественной историографии. Показательно, что они не упомянуты в сводах записок путешественников по нашей стране и Крыму [14; 17; 33]. Зато Семпл-Лайл фигурирует в двух знаковых исследованиях зарубежных авторов, переведенных на русский язык [15, с. 69, 80–82, 778, прим. 1–2; с. 780–781, прим. 28; 22, с. 196]. Практически все, что мы знаем о пребывании шотландца в России, известно из его воспоминаний, написанных во время очередного тюремного заключения. Автор полагался на память, к тому же явно преувеличивал собственные успехи и сводил счеты с другими людьми. При всем при том записки Семпл-Лайла отразили интерес к нашей стране и ее вновь приобретенным южным владениям, актуализировавшийся после событий 1783 г. Они показывают, как формировались образы и стереотипы, касавшиеся, например, фигуры Потемкина или же собирательного представления о неприхотливом и непобедимом русском солдате. Потому цель этой статьи – ввести в полноценный научный оборот информацию о Юге России, собранную в мемуарах Семпл-Лайла, и опубликовать соответствующий отрывок из воспоминаний шотландского авантюриста.

Джеймс-Джордж Семпл (рис. 1) родился в небольшом городе Эрвин на юго-западе Шотландии [биографические сведения изложены по: 30; 31]. Его отец, акцизный чиновник, впоследствии предъявил претензии на титул виконта Лайла, а наш герой попросту присвоил это имя. В юности молодой Семпл отправился в Северную Америку, где принял участие в только что начавшейся войне Британии против восставших североамериканских колоний (1775–1783), попал в плен к инсургентам, но был отпущен и в 1777 г. вернулся на родину. Не имея собственных средств, он предпочитал жить за счет других, в том числе женщин. Одной из его возлюбленных стала известная актриса и писательница Элизабет Гуч (1757–1807). Впоследствии Семпл-Лайл отправился на континент в поисках средств и покровителей, а в 1779 г. женился на юной Элизабет Гилберт (по другой версии, ее фамилия была Грант), родители которой безуспешно пытались откупиться от авантюриста. Крестной матерью девушки была герцогиня Элизабет Кингстон, урожденная Чадли (1720–1788) – английская авантюристка, осужденная судом за двоемужество, которая четыре раза бывала в России в 1777, 1779–1781, 1782–1783 и 1784–1785 гг., где удостоилась аудиенции у Екатерины II. Впрочем, британская община российской столицы была от герцогини не в восторге [см.: 34; 10, с. 389–392]. Биограф герцогини К. Джерват утверждает, что Семпл-Лайл попытался воспользоваться протекцией и деньгами соотечественницы в собственных интересах [34, с. 216–218]. Воспоминания самого шотландца излагают иную точку зрения – они наполнены жалобами на характер, вспыльчивость и самодурство герцогини. Как бы то ни было, супруга и дочь Семпл-Лайла несколько лет провели в резиденции герцогини в российской Нарве, проживая там за ее счет. Сам майор не только исполнял различные деликатные поручения леди Кингстон, но и по ее рекомендации оказался в Петербурге в конце 1782 или начале 1783 г. Его рассказ о прибытии в российскую столицу настолько же характерен, сколь и наполнен преувеличениями.

«Достигнув столицы России, – пишет Семпл-Лайл, – я явился к сэру Джеймсу Харрису, в то время [бывшему] послом Его [Британского] Величества¹ при этом дворе, которого познакомили с моими приключениями в Риге; и которому так понравились мои действия, что он, без всякого отлагательства, представил меня князю Потемкину. После разговора с этим блистательным генералом о моем деле и в целом о военных предметах, тот спросил, не желаю ли я послужить в русской армии, на что я ответил согласием, и в тот же вечер

¹ Джеймс Харрис (Гаррис, 1746–1820), впоследствии граф Малсбери, был послом Великобритании в России в 1778–1783 гг. [12, с. 186–214; 32, р. 118]. Английским королем в это время был Георг III (1738–1820, правил с 1760 г.).

был назначен капитаном. *Мое назначение произошло исключительно быстро, ведь Князь², послав за своим секретарем, сказал тому <р. 10> несколько слов по-русски, которые я не понял; последний вышел и через несколько минут вернулся с готовым патентом на мое имя, какой передал Князю, который немедленно преподнес его мне, приобцив к тому, что он сделал мне честь, взяв меня в свою свиту, и что дает мне отпуск на два месяца для подготовки к будущей кампании» [38, р. 9–10].*

Далее утверждалось, что Семпл-Лайл был представлен Екатерине II и свел знакомство с Томасом Макензи (Фомой Фомичем Мекензи, 1740–1786), русским моряком шотландского происхождения [38, р. 10], который вскоре получил назначение на Черноморский флот и стал основателем Севастополя [о нем: 9, с. 29–35, 42; 15, с. 69–86]. По мнению М. Мелвина, Семпл-Лайл мог быть секретным агентом британского правительства. Посол Харрис способствовал его знакомству с Потемкиным и назначению на русскую службу, чтобы впоследствии получить сведения о Юге России, Крыме и Севастополе [15, с. 780–781, прим. 28]. Как бы то ни было, пока, воспользовавшись полученным отпуском, Семпл-Лайл ездил на встречу со своей семьей и герцогиней Кингстон, Потемкин отбыл на юг, оставив шотландцу распоряжение следовать за ним. *«Я тотчас же отправился ко двору, и получил инструкции ожидать депеши Ее Величества, с каковыми я должен был проследовать в Херсон за Князем, который избрал кружной путь через Варшаву»* [38, р. 14–15].

Это была весна 1783 г. – время, когда активно готовилось присоединение Крыма. Потемкин покинул столицу за несколько дней до того, как 8 апреля был подписан манифест о присоединении. Этот документ, однако, держали в тайне, чтобы обеспечить видимость мирного транзита полуострова, убедив последнего хана отречься от престола и организовав публичную присягу на верность России различных сословий крымского общества [13, с. 284–295]. Интенсивная переписка между императрицей и фаворитом касалась прежде всего крымских дел. Только когда необходимые мероприятия были осуществлены, манифест прочли в Сенате 20-го июля [11, с. 31], а на следующий день опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях» [13, с. 294].

При всем своем своеобразии, записки Семпл-Лайла отчасти отразили происходившие на Юге России перемены, лихорадочную деятельность Потемкина и быструю трансформацию «этнической карты» Северного Причерноморья. Научное исследование этнических процессов потребовало современного научного инструментария [3], а ценность сочинения шотландца, скорее, в том, что это – приукрашенные и субъективные воспоминания очевидца. Так, не существует опубликованных источников, передающих те детали переселения в окрестности Херсона так называемых корсиканцев, о которых поведал Семпл-Лайл. Весьма любопытны описания повседневной жизни русских солдат, образовавших определенную группу населения региона. Интересны и подробности того, как проходили путешествия по Крыму, нередко заставлявшие путника рисковать собственной жизнью – впрочем, эти описания соответствуют рассказам других иностранцев [29].

Разумеется, шотландец был пристрастен и сильно преувеличивал собственные заслуги. Вопреки его собственным словам, он никак не мог быть автором реформы обмундирования и гигиены русских солдат, действительно проходившей в 1783 г. Ее вдохновителем стал Потемкин, в частности, настоявший на введении короткой стрижки и отмене завивки, заплетения и пудрения волос, которые казались совершенно необходимым Семпл-Лайлу для поддержания дисциплины. Концепция солдатского мундира, предложенного Потемкиным, также заметно отличалась от описаний шотландца [см.: 7, с. 107–116; ср.: 38, р. 28–30]. По-видимому, не соответствуют истине и рассказы о том, что русские солдаты питались одной полусырой мукой [38, р. 34]. А впрочем, Семпл-Лайл явно не собирался описывать все именно так, как оно было; скорее, он пытался преувеличить свои заслуги, в частности, как одного из тех, кто приобщал к «цивилизации» полуотсталую страну. Свойственны ему и поверхностные суждения в отношении своих российских знакомых или обстоятельств местной жизни.

² В дальнейшем автор мемуаров нередко называет Потемкина просто «Князем», подобно тому, как мадам Кингстон – просто «Герцогиней».

После нескольких месяцев в Крыму, Семпл-Лайл, по его собственным словам, сначала отправился вслед за Потемкиным в Кременчуг, потом в Петербург, а в конце 1783 или начале 1784 г. получил разрешение покинуть русскую службу. Вероятно, к тому времени Потемкина стала тяготить сомнительная репутация его протеже. В частности, Семпл-Лайл признавал, что не мог смирить свой азартный характер. Например, ожидая, пока подготовят экипаж для поездки из Петербурга в Крым, шотландец сел играть в карты с какими-то офицерами и проиграл не только отпущенное ему на дорогу, но и все свои собственные деньги, так что пришлось срочно занимать у Харриса [38, р. 18–19]. Не умел он и жить по средствам, так что, хотя он получал в России жалование и привык столоваться у Потемкина, к концу российского периода у шотландца наступил финансовый кризис [38, р. 51]. Впоследствии автор «Жизни Екатерины II, императрицы российской», британец Уильям Тук (1744–1820), который много лет провел в Петербурге и потому был в курсе тамошних новостей и сплетен [о нем: 27, с. 23–38], писал, что Семпл-Лайл шантажировал герцогиню Кингстон, что и стало причиной конца его русской карьеры. Но и после того, на пути в Англию, майор с помощью разнообразных надувательств выманил у петербургских и нарвских купцов значительные суммы денег [40, р. 299–300, п. ‡]. В свою очередь, Семпл-Лайл назвал эти обвинения клеветой и грозил Туку (имени которого он не знал или не хотел называть) всяческими карами, если бы им удалось встретиться в будущем [38, р. 30–31].

Уезжая из России, шотландец в очередной раз посетил Нарву, где в последний раз увидел свою жену, которая потом на протяжении многих лет лишь иногда получала сведения о своем беспутном муже. Тот же предпочел больше не упоминать свою семью (под этим словом он подразумевал жену и дочь) в автобиографии. В Англии Семпл-Лайл в конце концов предстал перед судом по обвинению в контрабанде, был приговорен к ссылке, замененной на обязательство покинуть родину (1786). В этот момент появилась изданная анонимно его первая биография, на титуле которой Семпл-Лайл был назван «северным героем», а также «знаменитым мошенником». Она выдержала несколько изданий, но о Крыме там не говорилось [39].

Уехав во Францию, Семпл-Лайл продолжил заниматься сомнительными предприятиями, а заодно стал свидетелем Революции и казни Людовика XVI (1793). Через два года наш герой вынужден был в очередной раз сменить место жительства, поскольку за ним тянулся шлейф афер и скандальных романов, причем некоторые дамы получили сомнительную честь именоваться «мадам Лайл», несмотря на то что первая (забытая) супруга майора пребывала в добром здравии. Тогда же в Лондоне вышла «История мошеннических и любовных приключений» нашего героя, ставшая продолжением его первой биографии [36], – очевидно, похождения шотландца пользовались интересом у публики. Эта книга изобразила Семпл-Лайла как выдающегося авантюриста, закрепив за ним прозвище «принца мошенников». Анонимный автор неплохо представлял себе обстоятельства биографии своего героя. Но, хотя несколько страниц посвящены похождениям самозваного майора в России, «крымский эпизод» его жизни не упоминался.

В это время Фортуна, кажется, начала изменять шотландцу – его вновь приговорили к ссылке, и, находясь в тюрьме в ожидании отправки в Австралию, он дважды пытался покончить с собой. Наконец, в 1798 г. Семпл-Лайл оказался на корабле, который должен был доставить его к месту отбытия наказания. На борту возник заговор, в результате которого шотландца и нескольких других пассажиров высадили на берег в Бразилии. Оттуда он, пережив очередной ряд приключений, добрался до Алжира, где снова был арестован и отправлен в Англию. Здесь в тюрьме он написал мемуары, выдержавшие два издания [37; 38]. Книжке был предпослан латинский эпиграф из Горация, намекавший на судьбу автора – *...Aspera multa / Pertulit, adversis rerum immersabilis undis* («...много невзгод он изведal / В море широко, пока возвращенье в отчизну готовил»; пер. Н. Гинцбурга) (Hor. *Epist.* 2.2. 20–21) [5, с. 325]. Среди прочих сюжетов, в мемуарах нашлось место для рассказа о приключениях автора на Юге России.

О последних годах жизни авантюриста известно мало. Ясно только, что он вновь взялся за старое. Высланный из Англии во Францию, он «женился» на некоей Софи Буасимен, ро-

дившей ему нескольких детей. Шотландец продолжал заниматься сомнительными делами, от мошенничества до шпионажа, живя на две страны и заимев нескольких «жен» (в 1813 г. родился его очередной ребенок от некой англичанки Анны Олтон), а также периодически попадая под суд. В конце концов, в очередной раз приговоренный к семи годам ссылки, он вновь бежал из Англии: Семпл-Лайл умер в Лиссабоне по пути в Марокко 18 декабря 1819 г. Пожалуй, лучшей эпитафией ему стали бы слова классика: «Понятие “надувательства”, – вернее, отвлеченная идея, заключающаяся в глаголе “надуть” – знакому каждому. Но самый акт, *надувательство* как единичное действие, с трудом поддается определению. Впрочем, некоторой ясности в этом вопросе можно достичь, если дать определение не надувательству как таковому, но человеку как животному, которое надует. Напад на свое время на эту мысль Платон, и ему не пришлось бы проглатывать оскорблений из-за оципанной курицы» [19, с. 560]. Семпл-Лайл, несомненно, был таким человеком, мастером надувательства, *diddler*’ом.

Предлагаемый ниже перевод отрывка из мемуаров Семпл-Лайла требует небольших вводных комментариев. Из сказанного выше следует, что они полны преувеличениями и фантазиями, хотя, конечно, и не в такой степени, как рассказы о похождениях современника шотландца – барона Мюнхгаузена [2]. По-видимому, Семпл-Лайл хотел очистить собственную репутацию от популярных обвинений в разных неблагоприятных поступках, представив себя жертвой множества злосчастных обстоятельств. Мемуары должны были подчеркнуть разнообразные заслуги автора в военном деле, его выдающуюся роль в придворной жизни, а также развлечь читателя рассказами об «экзотических» странах Европы. Отсюда своеобразная структура повествования, где непропорционально много места уделено событиям из личной жизни Семпл-Лайла, бесконечные восхваления собственных успехов и излишне подробные описания конфликтов. Тем не менее, в предлагаемом отрывке отражен взгляд на Юг России в ключевом 1783 г., который содержит некоторую любопытную информацию, отсутствующую в других известных источниках. Это и является причиной публикации. Учитывая естественные ограничения журнальной статьи, для перевода был избран отрывок, связанный с пребыванием автора на Юге России, по второму изданию мемуаров [38, р. 22–41].

Как уже говорилось, автор сочинял свою книгу в лондонской тюрьме. Он, очевидно, не вел дневник, – этим можно объяснить минимальное количество встречающихся в тексте дат и некоторые не слишком точные описания, например, природных объектов. По мнению исследователей, ему помогал анонимный соавтор – «литературный негр» [15, с. 778, прим. 2; 31, р. 1, 6]. Тем не менее, стиль текста довольно тяжелый, с длинными предложениями и бесконечными придаточными, а также не всегда точными формулировками. При переводе он, по возможности, сохранен. Сам избранный подход к переводу исторического источника предполагает предпочтение точности перед литературностью. Страницы английского издания указаны в угловых скобках <> перед началом соответствующей части текста. Трехточиями в угловых скобках <...> отмечены выпущенные отрывки. Необходимые дополнения, сделанные переводчиком, отмечены квадратными скобками []. Подстрочные примечания, где раскрыты краткие сведения об упомянутых в тексте источника людях, событиях и географических объектах (если таковые не описаны выше в тексте статьи), принадлежат переводчику. Нужно отметить, что Семпл-Лайл немногие имена и географические названия передал довольно близко к современному написанию. Русские формы иностранных имен даны по академическому словарю [21].

Жизнь майора Дж.-Г. Семпл-Лайла, включающая достоверный рассказ о череде его злключения и несчастий. Написана им самим. Вперемежку с интересными анекдотами и подлинными известиями о важных общественных деяниях

<р. 22>

ГЛ[АВА] IV

Автор прибывает в Херсон и доставляет депеши князю Потемкину. – Прибывает курьер от герцогини Кингстон с жалобой на него [автора] Князю, которого принимают и

[которому] отвечают весьма оскорбительным образом. – Некоторые сведения о Херсоне. – *Corses Expulsés*, [или] отряд, организацией которого должен был заняться автор. – Поразительные успехи императрицы в строительстве кораблей. – Способ спуска оных на воду и сплавления вниз по реке [Д]непру. – Адмирал Макензи и капитан Тейт. – Военные приготовления. – Бунт в *Corses Expulsés*.

Несмотря на задержки [в пути] и тяжелую карету, ведь при мне был весь походный багаж, я добрался до Херсона через двенадцать дней после того, как выехал из С[анкт]-Петербурга. Здесь я нашел Князя [Потемкина], прибывшего лишь за несколько часов до меня. Я представил ему пакет, который получил от военного министра графа Мусина-Пушкина³, и письмо от Ее Величества, содержание которого было не менее приятно для меня самого, чем для Князя, ведь императрица заключила рассказ обо мне [следующими] словами: «Пусть у вас в сражении всегда будет человек <р. 23> вроде него на вашей стороне, и друг вроде меня, куда бы вы не отправились».

На следующей день к Князю прибыл курьер от Герцогини [Кингстон] с тяжкими жалобами на мое к ней отношение, мои задержки в дороге, долгое [путешествие] и пр. Это развлекло Князя, который ее не переносил, поскольку она, отчасти из-за незнания, что императрица позволила мне свернуть с пути, отчасти из-за злого умысла, настолько исказила эту историю, что та стала вызывать усмешку у всех, кто о ней слышал. Чтобы дополнительно ее унижить, он велел мне не только прочесть это [письмо], но и тотчас же дать ответ; что я и сделал по-французски следующим образом в один из дней месяца июля 1783 года: «Мадам, имею честь получить ваше послание от Его Высочества⁴; я также имел честь прочесть его ему; и остаюсь, по поручению Его Высочества, мадам, и пр., и пр., и пр.»

Херсон – город, построенный императрицей на реке [Д]непр в нескольких лигах⁵ выше ее устья, с целью основать здесь новую колонию⁶; для этой цели она направила своему посланнику в Ливорно манифест к ссыльным корсиканцам, названным *Les Corses Expulsés*⁷; под этим именем людей из всех наций, собравшихся по ее повелению⁸, перевозили через Дарданеллы и Черное море в <р. 24> Херсон. Из настоящих корсиканцев, [числом] около 250, которые все были военными, она сформировала корпус, известный под названием «Королевских корсиканцев», организовать который поручили мне. Здесь императрица на практике применила благородную схему сооружения военных судов для экспедиции в Черное море. Их строили на реке, едва проходимой на малой шлюпке, дерево и метал для их постройки везли через страну за 700 миль⁹, а что-то и гораздо дальше, а каждая пушка

³ *Minister of War Count Mouschkin Pouschkin*. В описываемое время место президента Военной коллегии, управлявшей сухопутной армией России, было вакантно [23, с. 33–34]. По-видимому, Семпл-Лайл имел в виду кого-то из русских военачальников, принадлежавших к известному древнему роду. Так, генерал Валентин Платонович Мусин-Пушкин (1735–1804), в дальнейшем дослужившийся до генерал-фельдмаршала, в описываемое время состоял при наследнике престола Павле Петровиче [1, с. 251–253].

⁴ *his Highness*. Семпл-Лайл именовал так Потемкина, очевидно, потому, что передал его титул по-английски как Prince, то есть принц крови. Корректнее было бы обращение «его светлость», His Grace.

⁵ Старинная английская мера длины. Сухопутная лига равняется 4828 м.

⁶ *colony*. Очевидно, Семпл-Лайл видел параллели между деятельностью Екатерины II на юге империи и британской колонизацией Нового Света, Индии или Австралии.

⁷ Корсиканские изгнанники (*франц.*). Незадолго перед описанными событиями (1769) остров Корсика, прежде принадлежавший Генуе, был присоединен к Франции, что привело к волне эмиграции. Однако, по словам Е. И. Дружининой, «корсиканцами» называли намербованных русским консулом в Ливорно жителей различных итальянских приморских городов, представлявших собой, в основном, антисоциальные элементы. Изначально их планировали поселить в окрестностях Херсона в качестве земледельцев, но результат сложно было признать удачным [6, с. 159–160]. Итальянцы бунтовали и разбегались, так что, по свидетельству испано-венесуэльского путешественника Франсиско де Миранды (1750–1816), в декабре 1786 г. «из 1300 человек едва осталось 250, а их руководителя чуть было не повесили...» [16, с. 39]. О военной службе херсонских итальянцев из других источников неизвестно.

⁸ Буквально: *at her rendezvous*, то есть «на место встречи с ней». Характерный пример не всегда точных выражений Семпл-Лайла.

⁹ Английская мера длины. Сухопутная миля равняется 1609 м, морская – 1852 м.

преодолевала не меньше, чем 1000 миль посуху. Способ, которым эти корабли спускали на воду и сплавляли в море был примечателен; [Д]непр, как отмечено выше, очень мелок и не слишком широк, так что для начала в речном дне напротив дока сделали своего рода бассейн, затем два больших плота, которые называли «камели»¹⁰, установили так, чтобы на них поместился корабль, соскальзывавший со стапеля, откуда его спускали с небольшой скоростью; встав между камелей, словно в колыбели, он таким образом сплавлялся вниз по реке мимо турецкой крепости Очаков и [далее] в Черное море. Если бы я не был свидетелем этой колоссальной работы, я вряд ли осмелился бы ее описать; она действительно была достойна многогранного ума этой государыни; она в полной мере создала морской барьер против беспокойных соседей – <р. 25> турок, и открыла канал для торговли между ее владениями и Средиземноморьем.

Адмирал Макензи¹¹, чье имя, по справедливости, можно сказать, украсило раннюю часть этого повествования, прибыл в Ахтиарскую гавань, ныне называемую Севастопольской; здесь он со скоростью, которая отличала все его действия, начал строительство собственного дома, казарм для моряков, госпиталя, складов, возвел батареи и привел состояние оборонной гавани в приемлемый вид.

Вице-адмирал оставался в Херсоне вместе с несколькими капитанами, среди которых был капитан, ныне адмирал Тейт¹², который, в то время как я пишу эти строки, вместе с русским флотом, находящимся под его командованием, стоит у Ярмута¹³ – это милейший человек и мудрый офицер; к которому – подобно всем тем, кто его знает – я испытывал величайшее уважение; уважение, которое я выразил в своей обычной неосмотрительной манере, посетив его в то время, когда нам было приказано не приближаться к его дому, поскольку он был болен (как полагали, чумой, распространившейся среди нас) – предосторожность, принятая чтобы предотвратить распространение инфекции: но, независимо от его светских качеств, у него было другое сильное предубеждение против меня, ведь он был шотландцем¹⁴. За этот визит я получил строгий выговор от дежурного генерала Салтыкова¹⁵, и на протяжении нескольких дней не осмеливался приближаться к Князю.

<р. 26> Ныне широко известный фельдмаршал Суворов¹⁶ и граф Рамзи де Бальмен¹⁷ уже находились в Крыму, куда проследовал Потемкин, оставив меня организовывать корпус ко-

¹⁰ *Camels*, букв. «верблюды». Камели – род парного понтона, применявшегося для проводки судов по мелководью. Использовали их не только на мелководном Нижнем Днепре, но и, например, в Петербурге, чтобы проводить построенные там крупные военные суда в Кронштадт [26, с. 87–88].

¹¹ Рассказывая о своем знакомстве с Макензи, Семпл-Лайл назвал того «офицером, который как дворянин, частное лицо и солдат всегда пользовался высочайшим уважением со стороны всех тех, кто имел счастье быть с ним знакомым» [38, р. 10]. В обществе Макензи Семпл-Лайл ездил из Петербурга к герцогине Кингстон, поместье которой находилось близ Нарвы: «Вечер, когда мы прибыли в резиденцию герцогини, оказался удачным для Макензи; ведь, пока мы сидели за бутылкой, посыльный доставил ему вице-адмиральский патент и уведомление о том, что он назначен командиром черноморского [флота]; поэтому он незамедлительно отправился в [Санкт]-Петербург и вскоре после того – к месту службы» [38, р. 10–11].

¹² Джордж Тейт (Егор Егорович Тет, 1745–1821 или 1826) – российский адмирал английского происхождения, участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг., русско-шведской войны 1788–1790 гг., а также Наполеоновских войн [35; 20, т. 20, с. 505]. Показательно, что его фамилию Семпл-Лайл записал как *Taite*, хотя следовало бы *Tate*.

¹³ Город на северном берегу острова Уайт, что к югу от Англии, в проливе Ла-Манш.

¹⁴ Семпл-Лайл ошибся. Предки Тейта происходили из Нортгемптоншира – графства в центральной Англии, причем трое из них были лорд-мерами Лондона.

¹⁵ Не вполне ясно, кого из представителей этого многочисленного рода имел в виду автор.

¹⁶ Знаменитый полководец Александр Васильевич Суворов (1729/1730–1800) в 1783 г. находился, главным образом, на Кубани и в Восточном Приазовье, где приводил к российской присяге и к покорности живших там ногайцев [18, с. 224–237]. Семпл-Лайл упомянул о нем, вероятно, потому что к концу XVIII в. фигура Суворова пользовалась популярностью в Англии благодаря его победам над французами в итальянском походе 1799 г. [25, с. 200–239].

¹⁷ *Ramsay Count of Balman*. Граф Антон Богданович де Бальмен (де-Бальмен, Дебальмен, 1741–1790), военачальник, представитель древнего шотландского рода, отец которого переехал в Россию. В описываемое время командовал российскими войсками в Крыму [20, т. 2, с. 456–457; 13, с. 283–294].

ролевских корсиканцев, чтобы я после этого присоединился в Крыму. Примерно в это же время в Херсон прибыл герцог Вюртембергский, сестра которого вышла замуж за русского великого князя¹⁸: в то время он был генерал-лейтенантом, и был оставлен Потемкиным там командовать резервом.

Мои корсиканцы, пусть и были бравыми молодцами, по характеру были довольно недисциплинированными; и, поскольку они были предметом интереса всей армии, наши маневры¹⁹ прерывались, когда таким образом собиралась толпа; потому я перевел их с места, где располагались русские, на небольшую площадку на другой стороне города, между ним и епископским дворцом, где тренировал их ежедневно.

Чтобы продемонстрировать беспокойный нрав корсиканцев, приведу следующий пример: я дал им разрешение продать старые припасы и медную посуду, которые они привезли с собой на кораблях и применения которым мы не нашли. Они разошлись во мнении касательно доходности этих предметов. Однажды вечером, когда я был в русском лагере с визитом к командующему, мне принесли письмо от офицера, которого я оставил дежурным, которое я <р. 27> немедленно прочел. Оно сообщало, что мой лагерь пришел в беспорядок, и что люди стреляют друг в друга. Не сказав генералу ни слова, я немедленно встал из-за стола и, предварительно попросив пехотного полковника, полк которого находился ближе всего ко мне, направить отряд из его людей, чтобы окружить мой лагерь до рассвета, я поскакал домой со всей возможной скоростью. Ночь была темна, и мне предстояло пересечь обширное открытое пространство; однако я достиг своего лагеря, отчасти руководствуясь вспышками и треском мушкет[ных выстрел]ов. По прибытии я немедленно стал стрелять из пистолетов; а так как мой голос был хорошо известен, все затихли и разошлись по своим палаткам. Я отдал приказы, чтобы они собрались с рассветом; когда у гвардейского офицера спросили, заметил ли он что-либо вблизи лагеря, он ответил мне, что с трех сторон находятся небольшие отряды, четвертую же прикрывает река; после чего я приказал бить в барабаны сигнал «к оружию». Как только мои люди собрались на плацу, они были разоружены и расспрошены о причинах конфликта; когда же выяснилось, что все, из-за чего они поспорили, это посуда и пр., главарей тут же жестоко наказали: так было восстановлено спокойствие.

<р. 28>
ГЛ[АВА] V

Улучшения в русской армии, [сделанные] автором. – Замечания о военной форме. – Русские крестьяне. – Замечания о должном использовании штыка на маневрах. – Опровержение анонимного клеветника. – Автор, завершив обустройство корсиканцев, отправляется к армии в Крым. – Оказанный ему ласковый приём. – Характер командиров, Потемкина и Суворова. – Русские солдаты, их характер и стойкость.

Во время первых бесед с Потемкиным в Петербурге он спросил мое мнение о русской армии, и я честно сказал ему, что можно произвести улучшения как в платье, так и в маневрах.

Русское обмундирование состояло из зеленого мундира, отделанного и расшитого красным, очень тесного и такого длинного, что он мешал владельцу, ударяя по икрам его ног; короткие штаны, тоже тесные, едва прикрывали колени; а так как русские солдаты, и пехотинцы, и кавалеристы, носят башмаки, пусть и разной формы, между коленным манжетом штанов и башмаками неизбежно оставалось пустое место; шапка была очень мала и непригодна для <р. 29> холодной страны; по этой причине солдаты с каждой стороны прикрепля-

¹⁸ Очевидно, имеется в виде Фридрих-Вильгельм-Карл, будущий король Вюртемберга Фридрих I (1754–1816), сестру которого Софию-Марию-Доротею-Августу (в православии Марию Федоровну, 1759–1828) выдали замуж за наследника российского престола Павла Петровича, будущего Павла I (1754–1801).

¹⁹ *Manœuvres*. В современном русском и английском языках значение этого слова изменилось, относясь к передвижениям войск в ходе боевых действий. Однако еще в середине XIX в. в понятие маневров входило, в частности, «в мирное время производство притворных военных движений и действий для обучения войска» [4, с. 487]. В таком значении это слово использовано здесь и ниже.

ли по куску фланели, чтобы прикрывать уши и защищаться от суровой погоды. Поскольку эта одежда была очень неудобна, чтобы показать Князю свои мысли по этому поводу, я заказал платья для себя и для одного рядового – форму, которая сохранилась до сей поры без сколько-нибудь существенных перемен, и которая смогла быть одновременно изящной, удобной и хорошо приспособленной к суровому климату. Здесь я должен отметить, что изящество должно всегда, до определенной степени, учитываться при изготовлении военной формы; ведь если мы вместе с солдатом хотим соблности внешнюю красоту, которая столь свойственна военным, то мы должны будем заставить его гордиться своим видом. В России это было необходимо более чем где бы то ни было, ведь крестьяне (которые дают рекрутов в армию) – самые неопрятные из смертных; их верхняя одежда сделана из овечьих шкур, которые они носят шерстью наружу, за исключением редких случаев, когда, вблизи резиденций знати, у некоторых из них есть грубая одежда; однако если сделать людей довольными самими собой, то результат будет таков: сейчас русская армия может соперничать с любой армией мира своим внешним видом и дисциплиной. Князь, задумав превзойти меня, отдал (без моего ведома) приказ, что волосы солдат должны быть <р. 30> острижены, и что штык следует примкнуть, лишь когда собираются атаковать врага. Поскольку я был признанным автором переделок военной формы, эти новшества также приписали мне, и меня единодушно бранили за все вместе. Я всегда был противником стрижки солдатских волос (за исключением редкого случая партизанских отрядов), ведь поощряя неряшливость, она способствует появлению разгильдяйства; и если всего одну секунду поразмыслить над тем, что мушкет с примкнутым штыком и без такового имеет разный баланс, а также и о том, что научиться заряжать и стрелять с примкнутым штыком абсолютно необходимо, уверен, всякий поймет, что я неспособен следовать столь ошибочным принципам, и вместе со мной решит, что мушкет и штык должны быть неразделимы. Соответственно, через несколько дней к *стриженным волосам* добавились фальшивые косы; но у меня возникли некоторые трудности с тем, чтобы убедить Князя вернуть штык на подходящее для него место.

До сего момента я не знал, что автор «Жизни императрицы Екатерины II»²⁰ (опубликованной Лонгманом с улицы Патер-Ностер и Дебреттом с Пикадилли²¹) счел нужным сказать обо мне (т. III, стр. 20 во 2-м издании) в отношении моих отношений с князем Потемкиным и герцогиней Кингстон [следующее]:

«По *его* совету Князь ввел несколько новых <р. 31> правил в армии, касавшихся как платья, так и маневров; и если бы это не касалось маневров другого вида, как-то писаний к герцогине Кингстон²² о том, что он будто бы явится среди ночи с несколькими солдатами и ворвется в ее дом, если она не пришлет ему некоторую сумму денег и пр., то нет сомнений, что его вскоре повысили бы до звания штаб-офицера или назначили бы консулом в [любое] место по его выбору»... Он продолжает следующими словами: «Выйдя из доверия у князя Потемкина, по пути в Англию, майор Семпл с помощью множества надувательств сделал купцов из Петербурга, Нарвы, Риги и пр. [городов объектом] вымогательства».

Вечная судьба лжи – противоречить себе самой: и хотя на предшествующих страницах я дал отчет о своем деле с герцогиней Кингстон²³, и пусть небо или ад осмелятся его оспорить, тем не менее нашелся недостойный писака, которого повергнет в трепет даже моя тени, но который может завоевать доверие у некоторых, а потому я потрачу мгновение, чтобы указать на нелепость [сказанного] им. Если бы, как он утверждает, я осмелился угрожать герцогине Кингстон, хорошо обоснованная жалоба ([приложенное] к которой

²⁰ Как сказано выше, автором этой книги был Уильям Тук, много лет проживший в Петербурге и потому, очевидно, знакомый с тамошними сплетнями.

²¹ Известные издатели, предприятия которых находились в центре Лондона.

²² В книге Тука утверждалось, что источником этой информации была сама герцогиня Кингстон («как она открыла автору этих строк»), но Семпл-Лайл соответствующие слова опустил [ср.: 40, р. 299, п. †].

²³ См.: [38, р. 6, 8–21]. Пересказывать это пространное повествование, наполненное жалобами на дурное обращение, лицемерие и деспотизм герцогини, нет особого смысла. Ясно, что Семпл-Лайл какое-то время пользовался покровительством знатной дамы в собственных интересах, а потом их пути разошлись. Что между ними произошло на самом деле, вряд ли можно установить достоверно, но ясно, что стороны остались, так сказать, сильно недовольными друг другом.

мое собственное письмо должно было придать ей неопровержимую силу) обеспечила бы мне пожизненную ссылку в Сибирь; кроме того, этот спор случился до того, как я присоединился к Князю в Херсоне; <р. 32> и возможно ли – спрошу я, – чтобы он принял меня под свою протекцию, доверил бы мне организацию нового подразделения и впоследствии обращался со мной так, как будет показано ниже, если бы я запятнал себя кражей? Что же до обманутых купцов, это было бы возможно, *пока я был в фаворе*; но для *обещанного человека*, такое совершенно невозможно. Кроме того, я не стал ехать через Ригу или ее окрестности, но отправился из Петербурга в Нарву, где погрузился на корабль и отплыл по Восточному морю²⁴ в Копенгаген.

Столь вредоносных клеветников в этом мире терпеть нельзя. Так я был погублен; и автор сказанного выше, который, как мне сообщили, служит священником, несомненно, сам является скандальным доказательством того порока, которому – если я доживу до встречи с ним – его мантия вряд ли станет надежной защитой. Если у него есть честь, пусть опровергнет свои беспочвенные утверждения; но почему я должен его [об этом] просить? Если бы у него была честь, он бы этого не писал. Однако его непристойные замечания имели одно доброе [следствие] – эти анекдоты о себе самом позволяют мне судить о достоверности всех тех частей его истории, изучить которые до сей поры мне не доставало времени.

Вышколив и обучив моих корсиканцев, я отправился в армию и присоединился к Князю на высотах у города Карасубазара²⁵ <р. 33> в Крыму, где моей гордости немало польстило, когда оказалось, что униформу, образец которой я разработал, носит огромная армия, а [придуманные] мною маневры приняты и встречены рукоплесканиями. Тогда мне было около двадцати пяти [лет], и учитывая мое природное тщеславие, такие почести почти совершенно вскружили мне голову, что, вероятно, случилось бы и с человеком гораздо более старшим и мудрым чем я; и если прежде я не проявлял особого благоразумия в денежных вопросах, то в результате этого [случая] я совершенно перестал о них заботиться.

Теперь днем и ночью я был правой рукой Князя; он покрыл меня славой, чтобы заслужить которую, я не оставлял неисполненным ничего, что должен был [сделать] по службе. Потемкина справедливо считали одной из первых фигур и нашего, и всех прочих времен; смелый, открытый, резкий и горячий, он был первым при всяком опасном случае; резкий в движениях, он затевал и исполнял свои планы с беспримечной быстротой; в поле он не думал ни о ком, кроме солдат, и ни возраст, ни звание не могли в его глазах извинить невыполнение того, что требовала служба.

С нами был Суворов, уже игравший выдающуюся роль. Храбрый и горячий, как и его командир, он был неутомим на службе и, казалось, стремился преуспеть, копируя начальника в столь большой степени, в соперничестве за славу, которой он сейчас достиг.

<р. 34> Кажется, русские солдаты [самой] природой приспособлены к войне; их стойкость не знает себе равных, что легко можно вообразить по тому, в каких условиях они живут. Их склады не такие, как в других армиях, где [те] сохраняют с щепетильной тщательностью; их провизию, представляющую собой ржаную муку, складывают в кучи наподобие пирамид в мешках под открытым небом, где, попеременно подвергаясь действию дождя и палящего солнца, она спекается до такой степени, что я видел, как приходилось рубить ее топорами. Сырую муку выдают поротно; а там, где нет леса (как было у нас в окрестностях Херсона, где лес не растет, а щепок из корабельных доков едва хватает для госпиталя и генералов), они собирают сорняки и коровий навоз, которым нагревают [пищу] насколько смогут, и едят ее полусырой. Они не менее закалены своими палатками, чем в своей едой; русский солдат никогда не думает о соломе или одеялах – одежда служит ему одновременно постелью и покровом; завернувшись в нее, он, довольный, ложится на голую холодную землю. Вот пример их презрения к *удобствам*: я поручил одному солдату позаботиться о большом количестве ценных вещей, на время пока я находился вдалеке от Князя. У меня была выкопанная в земле канава, которая служила мне погребом; <р. 35> над ней поставили палатку, чтобы служить отчасти складом, отчасти жильем честному ветерану, который

²⁴ East See. Это буквальный перевод немецкого топонима *Ostsee*, обозначающего Балтийское море.

²⁵ Ныне Белогорск, город районного подчинения Республики Крым.

должен был охранять мое имущество. Желая, чтобы он полюбил свою службу, я приказал сделать для него деревянную лавку с матрасом, чтобы там спать, раздобыть который, пусть он и был самого скверного качества, мне, разумеется, пришлось приложить не мало усилий; но каким бы дурным тот ни был, я заключил, что он счел бы его за роскошь. Однако я ошибся; ведь примерно через неделю, отправившись посмотреть на свои повозки и [все] пр[очее], я увидел матрас, лежавший среди мусора. На вопрос как он здесь оказался, мне сообщили что он принадлежал солдату, которого я посадил в свой погреб, за которым я немедленно послал. Будучи спрошенным, почему он решил выбросить свой матрас, он холодно сказал, что тот не пригоден для солдата, и что он не будет на нем спать. Затем я пошел посмотреть, чем он заменил эту презренную ложе, и обнаружил подстилку из обычной жесткой соломы, сплетенную им самим.

Таков истинный характер русского солдата, и к этому портрету я могу лишь прибавить, что их верность равна их прочим качествам, ведь дезертирство среди них едва ли известно; короче говоря, природа и обучение приспособили их к военному делу, ведь пока их закаляет привычный образ жизни, их разум не сбивают с пути <р. 36> покорности те поверхностные знания, что только и приводят к неповиновению и мятежу.

ГЛ[АВА] VI

Г-н Фицхерберт, ныне лорд С[ент]-Эленс, прибывает в С[анкт]-Петербург. – Автора отправлен из Карасубазара в Ахтиар, где он снова встречается адмирала Макензи. – Посещает там интересную старинную постройку. – Макензи и он [сам] получают подарки от некоторых татарских вождей. – Возвращается в штаб-квартиру и едва спасается [от смерти]. – Потемкин отправляется на отдых в Кременчуг по причине здоровья. – Прибытие туда черкесского князя-заложенника. – Равнинна, на которой произошла Полтавская битва. – Блеск вице-короля Москвы²⁶. – Анекдоты о Потемкине, императрице Екатерине [II] и других замечательных людях. – Автор готовится к отъезду из России, покидает русскую службу и отплывает в Копенгаген.

Поскольку в будущем я собираюсь опубликовать историю своих походов, здесь об этом предмете я расскажу очень немногое. Однажды в августе 1783 года мы в армии узнали о том, что г-н Фицхерберт (ныне лорд Сент-Эленс) <р. 37> прибыл в С[анкт]-Петербург на замену сэру Джеймсу Харрису²⁷. Князь был особенно заинтересован в сведениях о его характере, и я много беседовал с ним об этом предмете; ведь сэр Джеймс был одним из самых близких друзей и доверенных лиц Потемкина. Не соблюдались ни церемонии, ни платье, ни этикет, как бы ни был занят Князь. Сэра Джеймса, [прямо] в шубе и шапке, всегда тотчас же проводили к нему, даже если другие иностранные послы уже некоторое время ожидали в приемной²⁸ и, вероятно, в конце концов так и не получали аудиенции.

Из Карасубазара меня отправили по армейским делам в Ахтиар²⁹, где я встретил своего старого друга адмирала Макензи с его небольшим флотом. [Строительство] укрепления и других сооружений продвинулись весьма далеко, и все [вокруг] выглядело гораздо лучше. Мы поехали посмотреть древнюю постройку, называвшуюся, как мне кажется, «древним Херсонесом», которая находится недалеко от Ахтиара, в почти неприступной бухточке³⁰.

²⁶ *Viceroy of Moscow*. Здесь, как и в некоторых других случаях, Семпл-Лайл пытается передать значение русских титулов и должностей через понятные ему британские параллели, но делает это не слишком удачно.

²⁷ Аллейн Фицхерберт (Фитцгерберт, позже барон Сент-Эленс, 1753–1839), чрезвычайный и полномочный посол в России в 1783–1787 гг., прибыл в Петербург 12 октября 1783 г. [32, р. 118].

²⁸ *anti-chamber*, то есть буквально «прихожая», вестибюль. Позднее Семпл-Лайл отметил, что петербургские покои Потемкина состояли из «маленькой убогой приемной и прилегающей [к ней] бильярдной». Именно там поутру собирались посетители, ожидавшие светлейшего князя. «Эти покои, и еще спальня, – вот и все его обычное жилище, хотя у него есть несколько величественных комнат в том же здании: путь в те, что занимает он, ведет через анфиладу больших комнат» [38, р. 43].

²⁹ Ныне Севастополь.

³⁰ По мнению М. Мелвина, путешественники посетили Херсонесское городище [15, с. 81]. Однако указание на крутые скалы и высеченные в них искусственные пещеры заставляет предположить, что Семпл-Лайл

Тщетно пытались мы достичь ее по морю, ведь скалы были такими крутыми, что тщетны оказались наши попытки, и с большим трудом мы вскарабкались на вершину со стороны суши. Постройка, если ее можно так назвать, искусна и почти целиком высечена в скале; но она необитаема, за исключением одного человека; живет он там по религиозным причинам или скрывается, <р. 38> сказать не могу. Однако немногие оставшиеся местные жители выказывали ему большое уважение и снабжали всем необходимым, а адмирал Макензи строго-настрого приказал не досаждать ему.

Когда я был в Ахтиаре, мы с Макензи получили подарки от одного из татарских вождей этой страны, причем каждому из нас поднесли по лошади. У моей была действительно очень богатая упряжь, но его [коня] почти полностью покрывало серебро. Седло было из пурпурной ткани, в которую повсюду вбиты серебряные гвоздики, а с каждой его стороны свисало большое стремя из того же материала, сделанное, по моде этой страны, в размере и форме стопы ноги; ремень на крупе и уздечка не остались без своей доли украшений, которые при каждом шаге издавали такой шум, как четверка лошадей в упряжке английского фургона. Макензи осмотрел удивительное животное с большим удовольствием и в присутствии всей компании тронул меня за локоть и, указав на стремя в своей руке, сказал: «Возьмите себе лошадь, я же, ей-богу, оставлю себе стремя; каждое из них можно превратить в пару подсвечников»; – если бы он сказал «[в] две пары», то я бы не считал эту оценку чрезмерной.

В Ахтиаре я заболел чем-то вроде лихорадки, [эпидемия] которой распространилась в армии, а по <р. 39> возвращении в Карасубазар мое состояние значительно ухудшилось; однако обнаружив, что Князь только что сменил свое место пребывания, [и] значительная часть армии и большая часть моего багажа уже уехали, я решил не отставать. Будучи слишком болен, чтобы взобраться на коня, я погрузил постель на одну из тех повозок, что обычно встречаются в тех [краях], и приказал [подать] лошадей. Но смог получить таковых лишь из нерегулярных казачьих [отрядов], которые были совершенно дикими и вряд ли когда-либо видели повозку, не говоря уже о том, чтобы прежде ее возить. Упряжь состояла из веревки, за которую я мог ухватиться, а вез меня парень, точно также непривычный к своему делу. Мой забавный экипаж почти заставил меня нарушить общее правило, согласно которому нам воспрещалось посещение каких бы то ни было домов или городов по случаю чумы; ведь когда слуга уложил меня в постель (честный преданный вюртембержец, которого я получил от принца из тех мест, в то время бывшего среди нас³¹), наша скотина понеслась с бешеной скоростью. Некоторое время [лошади скакали] галопом по склону, который почти нависает над городом Карасубазаром, пока, наконец, повозка не перевернулась, и мы все не покатились вниз с откоса, а если бы проехали немного дальше, то точно сверзились бы прямо в город. Две из трех запряженных в экипаж лошадей погибли на месте, а мой бедный лакей сломал руку; я спасся, буквально выпав <р. 40> вместе с постелью в кусты; мой русский возчик, не получивший никаких повреждений, утешил меня, как он поступил бы и в том случае, если бы все переломали себе шеи, словами «*Небось! Небось!*»³², что означало – «это ничего! это ничего!» Казаки продолжали скакать, не уделив [происшедшему] ни малейшего внимания и полагая, что все мы точно погибли, спокойно сообщили офицерам в штабе, что английский адъютант и его *кибитка* свалились с обрыва. Эта новость достигла ушей Князя, и один офицер с одним из экипажей его светлости был послан мне на помощь. Я встретил этого офицера на дороге; ведь, решив показать русским, что я настолько же безразличен к

имел в виду крепость византийского времени Каламита (позднее Инкерман), находившуюся в истоке Севастопольской бухты, у места впадения реки Черная. После того, как последние жители оставили Херсонес, его местоположение забылось, и в XVII–XVIII вв. древний город пытались отыскать во многих местах, причем не только на Крымском полуострове, но и за его пределами [28, с. 115–156]. Если Макензи и Семпл-Лайл действительно плавали к Каламите-Инкерману, перед нами – новая, оригинальная попытка локализовать Херсонес.

³¹ Семпл-Лайл намекает на принца из Вюртембергской династии, шурина наследника русского престола, о котором речь шла выше, но, не исключено, в очередной раз сообщает неверную информацию, чтобы подчеркнуть свой статус.

³² Букв.: *Nebos! Nebos!*

дорожным происшествиям, как и они сами, спокойно лежал в кустах, пока не смог воспользоваться новым экипажем, а затем, погрузившись в него вместе с моим несчастным слугой, я продолжал свой путь со всем возможным *sang froid*³³.

В конце зимы 1783 года³⁴ Князь, сильно изнуренный тяжелыми трудами, уехал из Крыма в Кременчуг для восстановления сил. <...>

<р. 41> В Кременчуге мы некоторое время оставались в барачном лагере; когда дела в Крыму были урегулированы³⁵, Потемкин вернулся в столицу. Поскольку мне хотелось посетить некоторые районы этой страны, <р. 42> он позволил мне оставить его и действовать по собственному разумению. <...>

Рис. 1. Эдвард Хардинг. Майор Джеймс-Джордж Семпл-Лайл (1799) [37, countertitle]

³³ хладнокровием (*франц.*).

³⁴ Вероятно, Семпл-Лайл имел в виду или декабрь 1783, или конец зимы 1783–1784 гг. В любом случае, или память его подвела, или он намерено исказил факты. Судя по переписке с Екатериной II, Потемкин переехал из Крыма в Кременчуг в августе 1783 г., а затем последовал в Нежин и Чернигов [8, с. 181–187, также 747–748, прим. 1]. В Крым в этом году он более не возвращался, зиму же провел в столице [13, с. 299–308].

³⁵ Это произошло летом 1783 г., то есть Семпл-Лайл запутался в хронологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 2. СПб.: Типография Третьего департамента Министерства государственных имуществ, 1840. 268 с.
2. Бюргер Г.А., Распе Р.Э. Удивительные приключения на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона Фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей / пер. с нем. В.С. Вальдман. М.: Наука, 1985. 367 с.
3. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М.: ИРИ РАН, 2003. 157 с.
4. Военный энциклопедический лексикон. Т. 8: Л – Михайловское. 2-е изд. СПб.: Типография Главного штаба, 1855. 722 с.
5. Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания / пер. с лат. М.: Художественная литература, 1968. 478 с.
6. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 277 с.
7. Дубровин Н. А.В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886. 196 с.
8. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 989 с.
9. Коваленко В.В. Основание и ранняя история Севастополя (1783–1800 гг.) // История Севастополя. Т. 2. 2-е изд. М.; Севастополь: Альбатрос, 2021. С. 15–93.
10. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспярых, Ю.Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.
11. Крым в истории России / сост. Н.Ю. Болотина. М.: Кучково поле, 2016. 120 с.
12. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с.
13. Лопатин В.С. Повесть о Потемкине, князе Таврическом. М.: Академический проект, 2018. 537 с.
14. Маркевич А.И. Таугиса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–394; 1898. № 28. С. 92–185 (1–94); 1902. № 32–33. С. 47–128.
15. Мелвин М. История Крыма и Севастополя от Потемкина до наших дней / пер. с англ. Ю. А. Гольдберга. М.: Колибри, 2020. 880 с.
16. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи / пер. с исп. М.С. Альперовича, В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М.: Наука/Интерпериодика, 2001. 364 с.
17. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путешественники в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). Киев, 1999. 211 с.
18. Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1884. 486 с.
19. По Э.А. Надувательство как точная наука / пер. с англ. И. Бернштейн // Полн. собр. соч.: в 1 т. М.: Альфа-книга, 2022. С. 560–572.
20. Русский биографический словарь. Т. 2: Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 796 с.; Т. [20:] Суворов – Ткачев. СПб.: Общественная польза, 1912. 600 с.
21. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. Около 22 700 фамилий. М.: Русский язык, 1986. 576 с.
22. Себаг-Монтефиоре С. Потемкин / пер. с англ. Н. Сперанской, С. Панова. М.: Вагриус, 2003. 558 с.
23. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России / ред. Д.А. Скалон. СПб.: Типография П. Ф. Пантелеева, 1902. 679 с.
24. Строев А. Авантюристы Просвещения. 2-е изд. М.: НЛО, 2023. 432 с.
25. Успенский В.М., Россомехин А.А., Хрусталёв Д.Г. Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб.: Арка, 2016. 288 с.
26. Форсия де Пилес. Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника / пер. с фр. А.Н. Спацанского. СПб.: Паритет, 2014. 384 с.
27. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
28. Храпунов Н.И. В поисках Херсонеса: исследования по истории, топонимике и исторической памяти. Симферополь: Антикава, 2023. 256 с.
29. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Практические особенности поездки в Крым на рубеже XVIII–XIX веков: свидетельства Реджинальда Хебера и других путешественников // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы научной конференции. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2023. С. 158–164.
30. A[lg]er J.G. Semple alias Semple-Lisle, James George // Dictionary of National Biography / ed. S. Lee. Vol. 51: Scoffin – Sheares. London: Smith, Elder, & Co., 1897. P. 241, col. 1.
31. Backman C. Major James George Semple Lisle and his Wives. URL: <http://www.tufftuff.net/Semple181127.pdf> (accessed: 05.09.2025).
32. British Diplomatic Representatives, 1689–1789 / ed. D.B. Horn, D. Litt. [London]: Royal Historical Society, 1932. 177 p.

33. Cross A. G. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK): Open Book Publishers, 2014. 419 p.
34. Gervat C. Elizabeth: The Scandalous Life of the Duchess of Kingston. London: Arrow Books, 2003. 306 p.
35. L[oughton] J.K. Tate, George // Dictionary of National Biography / ed. S. Lee. Vol. 55: Stow – Taylor. New York: The Macmillan Company; London: Smith, Elder, & Co., 1898. P. 377, col. 1–2.
36. The History of the Swindling and Amorous Adventures of James George Semple, &c. &c., since His Liberation from the Hulks. [London]: Mason, [1795]. 146 p.
37. The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself. London: W. Stewart, 1799. 382 p.
38. The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself. 2nd ed. London: W. Stewart, 1800. 382 p.
39. The Northern Hero; Minutely and Impartially Delineated in The Life of Major S...le, alias Harrold, Kennedy, &c. the Celebrated Swindler. 4th ed. London: P. McQueen, 1786. 66 p.
40. Tooke W. The Life of Catharine II, Empress of Russia. 5th ed. Vol. 2. Dublin: J. Moore, 1800. 365 p.

REFERENCES

1. *Biografii Rossiiskikh generalissimov i general-fel'dmarshalov* [Biographies of Russian generalissimos and field marshals]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiia Tret'ego departamenta Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv Publ., 1840, 268 p.
2. Bürger G.A., Raspe R.E. *Udivitel'nye prikliucheniia na sushe i na more, voennye pokhody i veselye prikliucheniia Barona Fon Miunkhgauzena* [Wonderful adventures on land and sea, military campaigns and amusing adventures of Baron Munchusen]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 367 p.
3. Vodarskii Ia.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII – kontse XX vekov* [Population of the Crimea from the late eighteenth to late twentieth century]. Moscow, IRI RAN Publ., 2003, 157 p.
4. *Voennyi entsiklopedicheskii leksikon* [Military encyclopaedic lexicon]. 2nd ed. Vol. 8. St. Petersburg, Tipografiia Glavnogo shtaba Publ., 1855, 722 p.
5. Horace. *Ody, epody, satiry, poslaniia* [Odes, epodes, satyrs, epistles]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1968, 478 p.
6. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea Area, 1775–1800]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 277 p.
7. Dubrovin N. A.V. *Suvorov sredi preobrazovatelei ekaterininskoi armii* [A.V. Suvorov and the reforms of the Catherinian army]. St. Petersburg, 1886, 196 p.
8. *Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaia perepiska, 1769–1791* [Catherine II and G.A. Potemkin. Personal correspondence, 1769–1791]. Moscow, Nauka Publ., 1997, 989 p.
9. Kovalenko V.V. Foundation and early history of Sevastopol, 1783–1800 gg. *Istoriia Sevastopolia* [A history of Sevastopol]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow, Sevastopol, Al'batros Publ., 2021, pp. 15–93.
10. Cross A. *Britantsy v Peterburge. XVIII vek* [The Britons in Petersburg: Eighteenth century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, 528 p.
11. *Krym v istorii Rossii* [Crimea in Russian history]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 120 p.
12. Labutina T.L. *Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoianie* [British diplomats and Catherine II: dialogue and confrontation]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, 458 p.
13. Lopatin V.S. *Povest' o Potemkine, kniaze Tavricheskom* [Tale of Potemkin the Prince of Taurida]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018, 537 p.
14. Markevich A.I. Taurica: an experience in indexing the works concerning the Crimea and the Taurida governorate in general. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1894, vol. 20, pp. 1–394; 1898, vol. 28, pp. 92–185 (1–94); 1902, vol. 32–33, pp. 47–128.
15. Melvin M. *Istoriia Kryma i Sevastopolia ot Potemkina do nashikh dnei* [A history of the Crimea and Sevastopol from Potemkin to these days]. Moscow, Kolibri Publ., 2020, 880 p.
16. Miranda F. de. *Puteshestvie po Rossiiskoi imperii* [Travel through the Russian Empire]. Moscow, Nauka/Interperiodika Publ., 2001, 364 p.
17. Nepomniashchii A.A. *Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitiu istoricheskogo kraevedeniia Kryma* [Travelogues and guidebooks in the development of historical regional studies]. Kiev, 1999, 211 p.
18. Petrushevskii A. *Generalissimus kniaz' Suvorov* [Generalissimo Prince Suvorov]. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1884, 486 p.
19. Poe E.A. Diddling Considered as One of Exact Sciences. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] in 1 vol. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2022, pp. 560–572.
20. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian dictionary of biography]. Vol. 2. St. Petersburg, Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov Publ., 1900, 796 p.; Vol. 20. St. Petersburg, Obschestvennaia pol'za Publ., 1912, 600 p.
21. Rybakin A.I. *Slovar' angliiskikh familii* [Dictionary of English surnames]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1986, 576 p.

22. Sebag Montefiore S. *Potemkin* [Potemkin]. Moscow, Vagrius Publ., 2003, 558 p.
23. *Stoletie Voennogo ministerstva. 1802–1902. Istoricheskii ocherk razvitiia voennogo upravleniia v Rossii* [One hundred years of the Ministry of War, 1802–1902: An historical essay on the development of military administration in Russia]. St. Petersburg, Tipografiia P.F. Panteleeva Publ., 1902, 679 p.
24. Stroev A. *Avantiuristy Prosveshcheniia* [Adventurers of the Enlightenment]. 2nd ed. Moscow, NLO Publ., 2023, 432 p.
25. Uspenskii V.M., Rossomakhin A.A., Khurstalev D.G. *Imperskii shag Ekateriny. Rossiia v angliiskoi karikature XVIII veka* [Catherine's imperial steps: Russia in the eighteenth-century English caricature]. St. Petersburg, Arka Publ., 2016, 288 p.
26. Fortia de Piles. *Progulki po Peterburgu Ekateriny Velikoi* [Walking in Catherine the Second's Petersburg]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2014, 384 p.
27. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaya tret' XIX v.* [English travellers and the Crimea: late eighteenth and the first third of the nineteenth century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
28. Khrapunov N.I. *V poiskakh Khersonesa: issledovaniia po istorii, toponimike i istoricheskoi pamiatii* [Searching for Chersonese: Studies in history, toponymy, and historical memory]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, 256 p.
29. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Practical features of travel to the Crimea ca 1800 according to Reginald Heber and other travellers. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, international, religious, and political connections of the Crimea, Mediterranean, and Oriental countries: Materials of the scholarly conference]. Vol. 2. Moscow, IV RAN Publ., 2023, pp. 158–164.
30. A[lger] J.G. Semple *alias* Semple-Lisle, James George. *Dictionary of National Biography*, vol. 51. London, Smith, Elder, & Co., 1897, p. 241, col. 1.
31. Backman C. *Major James George Semple Lisle and his Wives*. URL: <http://www.tufftuff.net/Semple181127.pdf> (accessed: 05.09.2025).
32. *British Diplomatic Representatives, 1689–1789*. [London], Royal Historical Society, 1932, 177 p.
33. Cross A.G. *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge (UK), Open Book Publ., 2014, 419 p.
34. Gervat C. *Elizabeth: The Scandalous Life of the Duchess of Kingston*. London, Arrow Books, 2003, 306 p.
35. L[ughton] J.K. Tate, George. *Dictionary of National Biography*, vol. 55. New York, The Macmillan Company; London, Smith, Elder, & Co., 1898, p. 377, col. 1–2.
36. *The History of the Swindling and Amorous Adventures of James George Semple, &c. &c., since His Liberation from the Hulks*. [London], Mason, [1795], 146 p.
37. *The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself*. London, W. Stewart, 1799, 382 p.
38. *The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself*. 2nd ed. London, W. Stewart, 1800, 382 p.
39. *The Northern Hero; Minutely and Impartially Delineated in The Life of Major S...le, alias Harrold, Kennedy, &c. the Celebrated Swindler*. 4th ed. London, P. McQueen, 1786, 66 p.
40. *Tooke W. The Life of Catharine II, Empress of Russia*. 5th ed. Vol. 2. Dublin, J. Moore, 1800, 365 p.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; профессор кафедры основ российской государственности Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Author information

Khrapunov N. I. – Doctor of Sciences (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Professor of the Department of Fundamentals of Russian Statehood of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: Q-8101-2017.